

На старости лет папа все-таки освоил одну профессию: дома вечерами вместе с мамой они переплетали книги.

— **Когда началась война, ваша семья была в Киеве?**

— Перед самой войной я заболел туберкулезом (мне было тогда почти одиннадцать), и мама чудом выбила бесплатную путевку в Крым, в Алупку. Там я и застрял из-за начавшейся войны. Из Крыма нас, больных детей, эвакуировали в Кабардино-Балкарию. Поначалу родители твердо решили остаться в Киеве, но когда немцы подошли к городу, испугавшись, отправились с моим младшим братом в Ташкент к папиной сестре. Они успели выехать буквально в последнюю минуту.

Обосновавшись в Ташкенте, родители слали письма в Кабардино-Балкарию директору диспансера с просьбой любыми путями переправить к ним сына. Меня поручили абсолютно неизвестным тетенькам, дав в дорогу двести рублей и мешочек сахара. А еще девочки из диспансера сшили мне из казенного ватного одеяла жилетку и шапочку. Провожая меня, они заливались слезами, а я не понимал, почему плачут? Ведь все так замечательно, я скоро увижусь с родителями. Через несколько дней немцы вошли в станицу, из которой я уехал, и уничтожили всех до единого в туберкулезном диспансере — и врачей, и детей!

Помню, как в Ташкенте люди падали без сил прямо на улице. Многие, не дождавшись помощи, умирали с голоду. В наше скудное меню входила затируха из кукурузы и лепешки с хлопковым маслом. Когда становилось невмоготу без мяса, я отправлялся на охоту: из рогатки бил голубей, и мама варила из бедных птиц похлебку. Однажды страшно повезло: я купил на рынке огромную черепаху за пять рублей, и мама приготовила из нее отличный супчик!

В Ташкенте папа устроился писарем в военкомат. Он не воевал по причине слабого здоровья (отец умер в 56 лет от первого же инфаркта).

Однажды страшно повезло: я купил на рынке огромную черепаху за пять рублей, и мама приготовила из нее отличный супчик!

взяться наконец за ум и устроиться на работу или, на крайний случай, пойти учиться в музыкальное училище — все без толку!

Папа был натурой творческой. Вечерами часто развлекал нас смешными сценками, очень точно пародируя знакомых. Его приглашали веселить людей на свадьбах, вечеринках — он играл на любых музыкальных инструментах и бесподобно танцевал, заводя гостей.

Отец был человеком довольно вспыльчивым. Например, когда я за столом громко хрустел огурцом, после нескольких предупреждений мог свободно получить от него звонкую оплеуху. Таким образом папа учил меня аристократическим манерам, хотя в нашем доме порой было нечего есть. Мама была полной его противоположностью. Простая белорусская женщина из крестьянской семьи, с тремя классами приходской школы, она работала то уборщицей, то воспитательницей в детском саду. Мамуля преданно любила нас, своих сыновей, отдавая всю себя без остатка семье.

Но знаете, несмотря на войну, голод и холод, жить все равно было так интересно! Мне нравился сам процесс борьбы за жизнь: нам с мамой приходилось торговать на улице, на рынке. А поскольку я был удивительно общительным ребенком, торговля у меня шла бойко (видимо, дедушкины гены с папиной стороны внезапно дали о себе знать). Чего только я не придумывал: частенько изображал вора, осторожно доставая товар из-за пазухи. У спекулянтов сразу разгорались глаза — ворованное было в цене, и у меня все скупали. А у мамы, которая открыто стояла с товаром, почему-то не покупали ничего.

Я торговал собственноручно скрученными папиросами, хлопчатобумажными чулками, теплыми платками, шоколадом — всем, что попадалось под руку. Бегал по улицам, как беспризорник, и кричал: «Кому папиросы? Есть папиросы. Налетай!» Еще наливал в чайник из колонок холодную воду и разносил ее торговцам на рынке по пять копеек за стакан. Иногда происходил бартер: в обмен на воду получал ово-

Я торговал собственноручно скрученными папиросами, хлопчатобумажными чулками, теплыми платками, шоколадом — всем, что попадалось под руку

ши. Одним словом, я не брезговал ничем и все заработанное тащил домой. Тем более что мама доверяла мне все семейные деньги (это в одиннадцать-то лет!). Я и сегодня все несу в дом — не муж, а находка!

При такой занятости я, между прочим, умудрялся еще и школу посещать. В третьем классе неистово зубрил узбекский язык, который мне нужен был для уличной торговли. Через несколько месяцев уже шпарил, как местный. Меня даже называли узбекским татаринком, не подозревая, что ни к узбекам, ни к татарам я не имею никакого отношения. Счет

В трехлетнем возрасте я заявил родным, что стану Чаплином. С детства был упрям, болтлив и во всем хотел быть первым

на узбекском помню до сих пор (ин, бир, ики, тур, беш...).

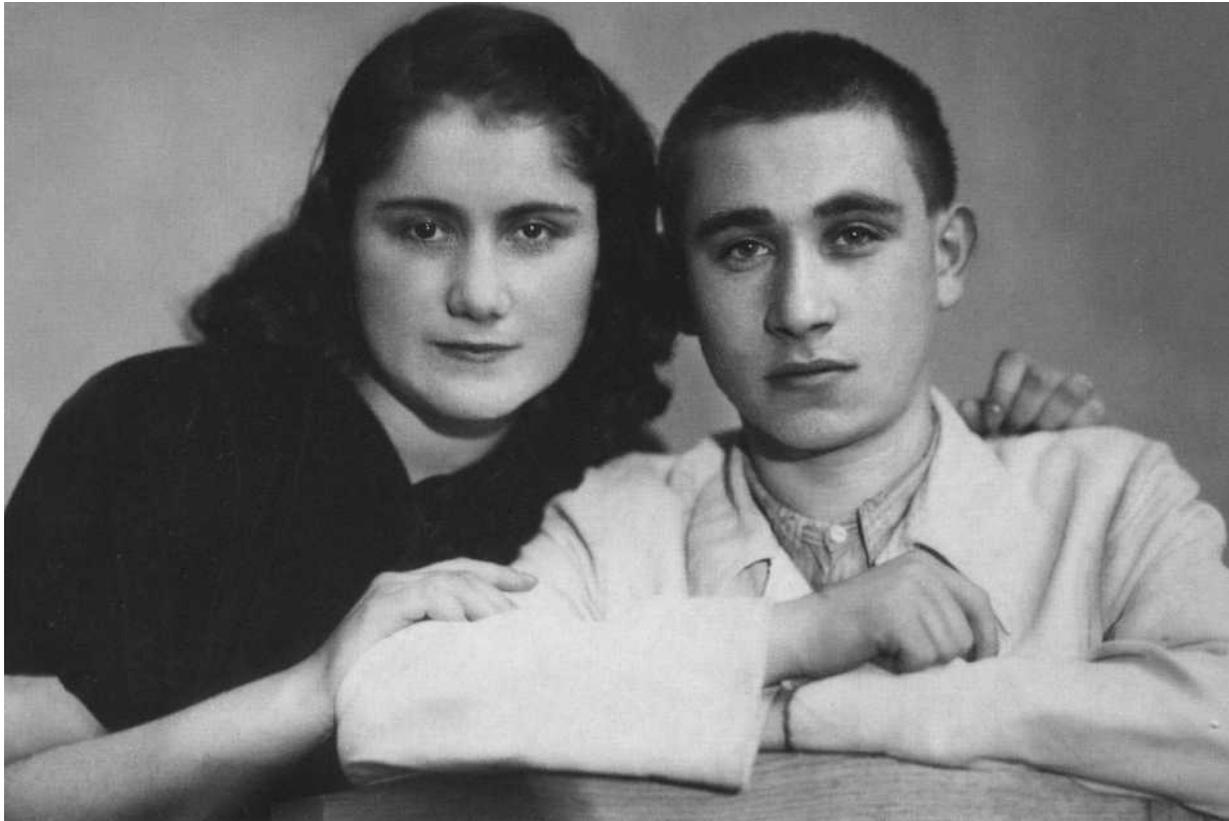
За год до окончания войны, когда еще бомбили пригороды Киева, моя семья, уютно устроившись в теплушке, двинулась обратно домой. Когда-то мы все вчетвером ютились в четырнадцатиметровой комнате в коммуналке, которая в детстве казалась мне огромной. Я гонял по коридору на велосипеде и размахивал над головой шашкой, изображая Чапаева. Но пока мы жили в Ташкенте, комнату заняли, и вскоре наша семья поселилась в отдельной полуподвальной квартире в центре города.

— Когда вы решили стать актером?

— С детства я был упрям, болтлив и во всем хотел быть первым. В трехлетнем возрасте заявил родным, что стану Чаплином. Сказано — сделано! Это стало отправной точкой моей дальнейшей жизни, и уже ничего изменить я не мог! Помню, лет в пятнадцать мне удалось за двести рублей купить узкоплечный кинопроектор. За пятерку в сутки брал в кинопрокате фильмы «Ленин в Октябре», «Котовский», «Белеет парус одинокий», «Яков Свердлов», «Ленин в 1918 году». Стоило открыть окно, поставить проектор на

подоконник, повесить на веревке простыню во дворе — и кинозал готов! Народ тащил табуретки, лавки, и после просмотра меня награждали аплодисментами. Я раскланивался перед соседями, и денег, которые мне не просто доставались, было совсем не жалко...

Из-за выбора моей будущей профессии в семье возникали споры. Мама настаивала: «Ребенок хочет быть артистом, пусть так и будет». Дядя, который заведовал сапожными мастерскими — какое-то время я работал у него подмастерьем (у меня уже получались замечательные заготовки для дам-

С двоюродной сестрой Софьей

ских туфель), недоумевал: «Что вы придумали? Какой артист? Он будет прекрасным мастером-заготовщиком — вот это настоящая мужская профессия.

Я любил смешить людей со школьной скамьи, часто срывая из-за этого уроки. Одноклассники ведь — прекрасная аудитория, и бороться за нее приходилось не с кем-нибудь, а с учителями. Педагог украинского языка постоянно из-за меня плакала: «Мишу, будь ласка, не приходи, я вид-

пил в музыкальное училище. Сделал это, чтобы приблизить заветную мечту стать артистом.

Сначала я собирался поступать на дирижера. А что? Работа не пыльная. Не надо мучиться, баян за собой таскать. Но в дирижеры меня почему-то брать не захотели. Представляете, как трудно было бы оркестру исполнять серьезную музыку, скажем, Шостаковича, видя перед собой меня с дирижерской палочкой в руках и во фраке?! После экзамена

Учительница закрывала своим телом дверь в класс, но я все равно просачивался. Наконец терпение педагогов лопнуло

значу, що ты був». Но я не шел на уступки: «Нет, хочу заниматься!» В школе у меня была кличка «Мишка-вундеркинд». Учительница рыдала, когда я у доски читал басню на «украинской мови». Она закрывала своим телом дверь в класс, но я все равно просачивался. И после моего очередного вопроса в классе поднимался хохот. Наконец терпение педагогов лопнуло. Однажды завуч, держа меня за ухо, завел в кабинет к директору. Мне выписали табель с оценками за восьмой класс с пометкой «переведен в девятый класс», хотя была середина года, и выгнали из школы. Тогда я посту-

директор говорит: «Поступайте в класс гобоя». «А что это такое?» — «Гобой — это такой маленький инструмент». Ну, думаю, если маленький, ничего, не надорвусь.

— А сейчас на гобое играете?

— Я гобоя не видел в глаза уже тридцать пять лет, а ведь когда-то в театре он меня очень выручал. В паузах между сценами спускался в оркестровую яму и играл на своем инструменте, за что получал три рубля. Честно говоря, я больше петь люблю... Маме мой голос очень нравился, а вот с женой по этому поводу у нас большие разногласия. Я пою и в ван-

ной, и на кухне, но больше всего радуюсь, когда выпадает возможность спеть в кино. В моей биографии был даже момент, когда я преподавал вокал в школе и руководил хором!

— Как же вам удалось стать актером без театрального образования?

— Вместе с другом Леней Каневским мы отправились из Киева в Москву учиться на актеров. Но ни в какой театральный институт меня не приняли. В одном некая очень большая и народная артистка мне сказала: «Вы талантливый, но у вас верхние зубы широко расставлены!» Леня же остался вольнослушателем в Вахтанговской школе и таким образом зацепился в Москве, где через много лет его ждал оглушительный успех: в сериале «Следствие ведут Знаатоки» он сыграл Томина.

В Москве в Саду имени Баумана существует актерская биржа, и любой может попытаться там счастья. В так называемое Бюро по трудоустройству актеров приезжали директора театров и режиссеры со всего Союза отбирать для своих трупп актеров. Шел творческий процесс — кто-то показывал свои репертуарные листы, кого-то прослушивали прямо на месте... Я любил туда наведываться даже когда стал известным артистом — пообщаться со старыми знакомыми, подышать воздухом актерской суеты.

Там я и получил приглашение в Камышинский театр. У меня уже был «опыт»: в киевском музыкальном училище я играл Шмагу в спектакле «Без вины виноватые» и считал себя за-

Студенты и преподаватель актерского мастерства Александр Леонидович Бельков (мы звали его просто Дед)

В общаге я частенько азартно резался в карты с соседями

конченным артистом! Помню, после спектакля преподаватели дружно советовали: «Миша, ты должен стать артистом!»

— **Где же находится город Камышин и чем он знаменит?**

— Этот же вопрос я задал директору театра. Но только после того, как согласился и передал ему в руки самое дорогое — диплом преподавателя по классу гобоя. Он мне объяснил: нужно доехать до Москвы, оттуда — до Вологды, затем — до Караганды, а там уже... рукой подать до Камышина. Этот город знаменит своими арбузами: мы испробовали их во всех видах — и соленые, и кисло-соленые, и квашеные, и свежие, прямо из погреба.

ли откажешь, я на другой жениться буду!» Броня испугалась и тут же согласилась. Еще бы, потерять такого мужчину!

Какое-то время мы с молодой женой снимали в Камышине угол у тети Груши, спали за занавеской, а вскоре получили комнату в коммуналке в одноэтажном домике без удобств. Все было бы замечательно, не будь постоянных выездов на гастроли в близлежащие деревни и колхозы. Трястись всю дорогу приходилось в кузове полуторки военных времен, в которой в сезон уборки возили мешки с картошкой и луком. Первым делом в машину грузили декорации, реквизит, а оставшееся место в кузове заставляли дере-

За Брониславой я особенно не ухаживал — тянуть резину не в моих правилах. Спросил прямо: «Выйдешь за меня?»

В театре мне сразу дали роль Станареля в мольеровской пьесе «Брак поневоле». На сцене я гонялся за возлюбленной Дорименой, которую играла моя будущая жена, и произносил такой текст: «Вот моя избранница! Ах, как мила! Какое личико, фигурка! Кто бы не польстился на такую невесту?» Бегал за ней в лысом парике, бегал и постоянно по роли ее выслеживал. И довыслеживался! Мы вместе уже больше сорока лет.

За Брониславой я особенно не ухаживал — тянуть резину не в моих правилах. Спросил прямо: «Выйдешь за меня? Ес-

вянными скамейками для актеров. По два-три месяца труппа жила на колесах, на ночлег устраивались в местных клубах, где ночью по полу стаями бегали крысы. Актеры пытались отвоевать друг у друга лучшие места: если кому-нибудь удавалось уснуть на продавленном клеенчатом директорском диване — это было настоящее счастье! Остальным доставалась сцена, на худой конец — стулья в фойе. Утром мы отправлялись на поиски пищи, и всегда находилась сердобольная тетенька, которая наливала кружку молока или угощала нас хлебом и яйцами.

Как-то мне сказали: «Держись за Брониславу. Она у тебя героиня, поэтому работа всегда будет!» Вот до сих пор и держусь

у тебя героиня, поэтому работа всегда будет!» Вот до сих пор и держусь! Жена у меня серьезная актриса, играет трагические роли у Льва Додина в Малом драматическом театре.

Проработав с женой год в Камышине, мы снова поехали на биржу труда, но уже как опытные артисты, с целым списком ролей, сыгранных на сцене. В трудовых книжках нам сделали запись: «артист драматических театров четвертой категории с зарплатой в шестьдесят пять рублей». И не нужно было в институте пять лет учить марксизм-ленинизм с политэкономией — для этого есть артисты с нормальными зубами!

После Камышина мы устроились в еще большую дыру — североказахстанский Петропавловск. И нас как мотанули по целине! Правда, вместо грузовика был уже довольно комфортабельный «пазик». Как-то в сильную жару я, разгоряченный, искупался в реке, получил воспаление легких и чуть было не отдал концы. Меня в полубредовом состоянии привезли в чью-то хату. Открываю глаза, а передо мной морда коровы! Я не мог понять, где нахожусь. Оказывается, в той деревне коров держали в снях.

Оттуда меня перевезли в больницу, где работали в основном немцы (в то время в Казахстане их было много). А главврач оказался моим земляком, киевлянином. Меня положили в отдельную палату с земляным полом, обслуживание — на высшем уровне! Я думал, что попал в другой мир: вокруг все вежливые, пунктуальные. Уколы делали каждые полчаса, пока меня, почти безнадежного, не выходили. Попадай я в другую больницу — точно бы умер. Тем временем наша группа ездила по городам и весям, а меня прихватили уже на обратном пути.

Потом были Иркутск, Кемерово, Пенза... Итого — семь театров! Вот уже более тридцати лет я живу в Питере, а до этого двенадцать лет мотался по периферии.

— **Где же родилась ваша дочь?**

— Света появилась на свет в Киеве. Когда ей исполнилось десять месяцев, мы ее подкинули моей маме и брату, а сами

Нас узнавали по черным от дорожной пыли физиономиям — только белые зубы сверкали на лицах залетных мавров

Когда грузовик подъезжал к очередному гастрольному «объекту», за ним бежали деревенские ребята и кричали: «Артисты приехали!» Нас узнавали по черным от дорожной пыли физиономиям — только белые зубы сверкали на лицах залетных мавров. А поскольку шофер театрального грузовика обычно был поддатым, мы частенько не сразу попадали в тот колхоз, куда изначально направлялись. Машина резко тормозила у местного клуба, и все, похватав свои узелки, с боем бросались занимать спальные места.

Я дружил с артистом со звучной фамилией Чубаровский. Мужик громадного роста страдал дефектом речи и не выговаривал половину букв. К тому же все время грыз орехи.... Чубаровский как-то мне сказал: «Держись за Брониславу, она

продолжали колесить по бескрайним просторам родины.

Виделись со Светой, только когда приезжали в отпуск. В Киеве она ходила в детский садик, лопотала на украинском языке. Даже внешне была настоящей украинской дивчиной — пухленькой, краснощекой, откормленной бабушкиными плюшками и галушками. В школе дочка считалась самой прилежной ученицей: мама и брат воспитывали ее в строгости: могли и по рукам дать, если писала криво или с ошибками. Бедная девчужка до последнего класса не имела в аттестате ни одной четверки — только пятерки! Но золотой медали моя умница так и не получила. Учительница в десятом классе вежливо ее предупредила: «По сочинению мы тебе не можем поставить пятерку».

Кадр из фильма «Светлая личность» (Светлана Крючкова, я и Галина Польских)

Бедная моя доченька из сказочного детства прямиком угодила в дымную комнату с вечно подвыпившими людьми

Когда дочке было четыре года, в Пензе мы с Брониславой взяли ее на спектакль «Денис Давыдов». Броня играла крестьянку Василису, а я — старшину с кривой саблей. В одной сцене Василиса пошла на меня с граблями, угрожая заколоть. Света во время спектакля сидела чинно и степенно, а в антракте в гримерке набросилась на мать с кулаками: «Почему ты била папу?» «Так это же понарошку!» — уворачивалась испуганная Бронислава.

«Нет, нет! По-настоящему!» — продолжала плакать дочка. После этого Броня очень гордилась тем, как правдиво сыграла роль, и часто повторяла: «Чувствуешь, какая я органичная?»

А уж когда мы с женой окончательно осели в Ленинграде, забрали к себе и дочку, Света училась в четвертом классе. Переехав к нам (я работал в Малом драматическом теат-

В школе дочка считалась самой прилежной ученицей: мама и брат воспитывали ее в строгости. Бедная девчушка до последнего класса не имела в аттестате ни одной четверки — только пятерки!

ре, и мы жили неподалеку, на улице Рубинштейна, конечно, в полуподвале и, как водится, рядом с помойкой), Светлана попала в богемное общество. Каждый день у нас собирались артисты, художники — курили, пили, играли до одури в преферанс. Бедная моя доченька из сказочного детства прямиком угодила в дымную комнату с вечно подвыпившими людьми.

— А дочь не мечтала пойти по родительским стопам?

— Я уверен, Светке нужно было стать медиком: в нашей семье она всю жизнь — главный лекарь. Я же ей посоветовал после школы поступать в технический вуз. Когда на втором курсе дочка пришла ко мне и пожаловалась: «Папа, я, наверное, уйду из института, мне неинтересно там учиться», думаете, я ее поддержал? Ничего подобного, строго приказал: «Поступила — заканчивай! Как же без диплома?» В общем, не отец, а настоящий совок! И бедная моя дочка, послушная, воспитанная бабушкой — человеком никогда не состоявшим в партии, но преданным ей до конца жизни, покорно продолжила учебу. Однако нет худа без добра: в институте она встретила Сережу, они полюбили друг друга и вскоре поженились. Из дочки получилась замечательная хозяйка, преданная жена и прекрасная мать двух очаровательных девчонок.

В роли Лешего в киножурнале «Ералаш»

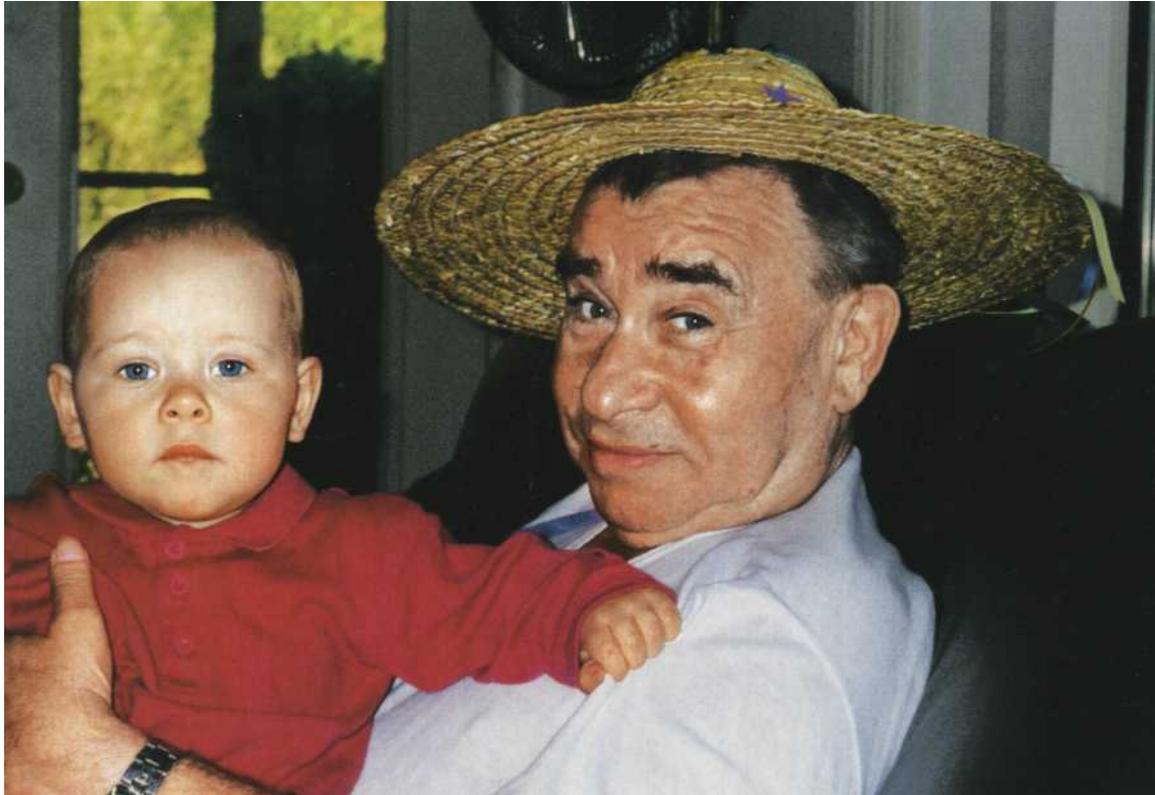
Света во время спектакля сидела чинно, а в антракте в гримерке набросилась на мать с кулаками: «Почему ты била папу?»

Сейчас Света с семьей живет в Америке: зять работает на фирме по контракту. Обитают они в маленьком живописном городке. Представляете, во дворе дома живут белки, зайцы и бурундуки!

Моя младшая внучка, Саша — болтуня и хулиганка — вся в меня. Интонации, жесты, даже походка моя. Аня, старшая, ей уже четырнадцать, боится маленькую сестренку как

огня: та запросто может ее укусить или ударить. Света часто звонит нам с Брониславой и обязательно просит внучек сказать бабушке с дедушкой хоть пару слов. Но младшая — ни в какую, я слышу, как она кричит: «Нет!» Дочка снова ее упрашивает, но та, как танк: «Ной!», потом: «Все!» И убегает.

— **Вас неоднократно приглашали в Москву. Почему вы отказались переехать?**

Моя младшая внучка Саша — болтуня и хулиганка — вся в меня. Интонации, жесты, даже походка моя

— Ни одного ленинградского артиста так не звали в Москву, как меня. Марк Захаров обещал в течение года двухкомнатную квартиру и был согласен не глядя взять в театр Брониславу. Он так уговаривал: «Беру вашу жену. Кстати, как она выглядит?» А я отвечал: «Да обыкновенная русская баба, колхозница».

Гончаров умолял: «У меня от Ельцина бумага! Мне нужен Светин!» Но мне не хотелось снова паковать чемоданы, коробки. Я думал: «Как же, знаю я вас! В Питере столько лет квартиру ждал! Семь лет скитался с семьей по подвалам и

Вот уже двадцать два года я работаю в Театре комедии, куда меня пригласил Петр Фоменко. Жена осталась у Додина. Оно и лучше, иногда нужно отдохнуть друг от друга! Мы с Брониславой и так все время выясняем отношения. Спорим, какой жанр выше, как кому играть. Она меня часто критикует, разбирает мою игру по косточкам, я же ее — никогда! Жена замечательно работает — по Станиславскому, душевно. Я считаю, она недооцененная актриса. Правда!

В прошлом году, на празднике столетия Остапа Бендера меня на сцене Октябрьского зала наградили статуэткой.

А мне уже без малого пятьдесят и, естественно, хочется личного санузла, отдельного или нет, неважно. Да и по натуре я лентяй!

углам, откуда выгоняли с милицией — соседи жаловались, что мы живем без прописки! Жили и на улице Достоевского, и на Моховой, в подвале художественных мастерских с крысами, и в примерках с общим умывальником. Вдруг, через много лет скитаний получаю отдельную квартиру, а мне говорят: «Езжай в Москву, снова в комнату в пятикомнатной коммуналке, пока не выделят отдельную». А мне уже без малого пятьдесят и, естественно, хочется личного санузла, отдельного или нет, неважно. Да и по натуре я страшный, неисправимый лентяй!

Рядом стоял Марк Захаров. Прошло столько лет с тех пор, как он меня приглашал в свой театр! Я тихо шепнул ему, как бы обращаясь к залу: «Марк Анатольевич, правильно ли я поступил тогда? Иногда жалею, иногда нет». Он даже не шевельнулся, сделал вид, что не слышал. А когда занавес закрыли, повернулся и крепко меня обнял.

Когда-то Леонид Трушкин пригласил меня в новый антирепризный спектакль «Гамлет» на роль Полония. Нужно к репетициям приступать — а у меня, как назло, расшалилось сердце. Врачи настояли на срочной операции. Я успел пре-

До сих пор я волнуюсь перед выходом на сцену. Не могу прочитать текст так, как если бы был один, без зрителей. Иногда задумываюсь, а правильно ли я поступил, став актером? Вот и не знаю! Может, зрители знают?..

дупредить Трушкина, но страшно переживал, что подвел любимого режиссера: «Леня, извини, ради Бога! Если не сделаю операцию — мне хана!»

А выписавшись из больницы, почувствовал такой прилив сил, что буквально на месте не мог усидеть и через две недели уже выступал с концертами в трех городах Израиля — Тель-Авиве, Иерусалиме и Хайфе с братом Лени Каневско-го, Сашей. Правда, сначала, когда он мне предложил эту безумную идею, я возмутился: «Как же я буду работать на сцене после серьезной операции?!» Он меня успокоил: «Вот увидишь, потом будешь думать иначе!» И точно, он оказался

меня сопровождала врач Юция, эстонка, и всю дорогу заговаривала мне зубы: «О, Светин! Я вас так люблю! Вы, наверное, думаете, что мы сейчас операцию будем делать? Да вы что! Просто будем много говорить, вспоминать былое!» А сама в это время вкалывает мне что-то прямо в вену, приговаривая: «Ой, как мы вас любим!» Мне вдруг стало все равно — куда повезут, туда и поедем!

На операцию я шел вторым по очереди после соотечественника — Сани Гребнева из Вятки. Расправившись с ним, ввезли на каталке и меня. Внезапно я оказался в очень светлой комнате, где вокруг стола стояли и ждали добычи чело-

«О, Светин! Я вас так люблю! Думаете, мы сейчас операцию будем делать?» — заговаривает мне зубы врач. А сама вкалывает что-то прямо в вену

прав, я так разошелся на сцене — часа два говорил с лихим азартом, не умолкая ни на минуту. Меня со сцены утащить не могли! А Леня Трушкин, к сожалению, так и не позвонил!

— **Где вам делали операцию?**

— В Израиле. Деньги на лечение собрали друзья. Порой совершенно незнакомые люди приходили в театр и оставляли у администратора деньги для Светина.

Забавно, но даже на операционном столе я умудрился рассмешить врачей. Когда меня на каталке повезли в операционную, жена пожалала на прощание руку. В «пыточную»

век семь «бандитов» в очках и марлевых повязках! Им только дай ножи в руки! Вдруг слышу откуда-то сверху команду: «Залезайте!» (я мигом перевалился с каталки на стол). Раздавайтесь! (с меня стащили халат). Дышите!» (прямо под нос сунули белую маску). Мне стало очень страшно — ведь я еще жив, вдруг они начнут меня резать! Со страху решил, что самое безопасное — как можно быстрее уснуть. Поэтому присосался к маске что есть мочи и задышал, как паровоз. Доктор кричит: «Хватит! Достаточно!» Я в ответ: «Нет, нет, еще!» Попытались отнять маску силой — куда там! Не

Саша в больнице случился инфаркт — операция уже не могла бы...

— **Правда ли, что люди, смешные на экране, в жизни угрюмые и мрачные?**

— Совершенно верно. У меня, как у всех ненормальных людей, то есть актеров, две крайности — то смеюсь до упаду, то впадаю в тоску. Я терпеть не могу, когда меня приглашают смешить по заказу компании. В таких случаях замыкаюсь и становлюсь самой большой занудой.

Я человек настроения, часто в жизни поступал неразумно, отказывался от предложений, когда нужно было соглашаться хоть на эпизод, на маленькую рольку, налаживая связи с режиссерами.

К примеру, как-то меня пригласили в передачу «Старый телевизор». На студии окружили заботой и вниманием: пожалуйста, простите, а не присядете ли сюда, теперь повернитесь туда. После съемки подошел ко мне какой-то человек: «Распишитесь здесь, пожалуйста» — и моментально испарился. Затем я увидел удаляющегося Новоженова, который помахал весело ручкой, — и все! Студия опустела, и я остался один, как герой Фарады в «Чародеях»: «Люди, где вы? Как мне отсюда выйти?» Поэтому, когда меня пригласили на передачу второй раз, я наотрез отказался.

— **А почему так затянулся ваш кинодебют?**

— Приезжая периодически из Ленинграда в Киев, я бегал на киностудию им. Довженко и снимался в массовках, мой дядя работал там осветителем. Он мне и подсказал однажды, что некий режиссер ищет актера маленького роста, который по сюжету постоянно крутится вокруг высокого главного героя. На Украине почему-то эта тема была самой популярной (вспомните Тарапуньку и Штепселя). Меня запримировали: нацепили смешную кепку-аэропорт, усы приклеили. Когда режиссер меня увидел, сначала зашелся хохотом, а потом неожиданно произнес: «Уберите его отсюда!»

Порой совершенно незнакомые люди приходили в театр и оставляли у администратора деньги для Светина на лечение

на того напали! С трудом вырвали. Потом рассказывали, что хирурги долго не могли приступить к операции от хохота — ведь это была обычная кислородная маска!

А вот Саша Демьяненко, у которого была такая же проблема со здоровьем, не сделал вовремя шунтирование. Если бы успел, жил бы до сих пор... Помню, когда мы играли в спектакле «Дон Педро», он каждые полчаса отворачивался от зрительного зала, глотал нитроглицерин и продолжал играть. Я постоянно его точил: «Саша, ложись быстро в больницу! Ты с ума сошел?» Как-то, видимо, его здорово прихватило, он испугался и отправился... в районную поликлинику. Вернулся радостный с таблетками: «Вот, сказали, что помогут!» Я просто ошалел — ведь через все это уже прошел: действие таблеток со временем становится все короче и короче! Этих врачей нужно было судить за то, что вовремя не забили тревогу. Меня не было в городе, когда у

Я очень расстроился по поводу очередной неудачи и вдруг случайно в коридоре наткнулся на какого-то мужика. «Что ты тут делаешь?» — спрашивает и подзывает ассистента: — Валя, прилепи ему усики. Хорош! Будешь сниматься у меня в главной роли». Так неожиданно! Выяснилось, что это Виктор Михайлович Иванов, украинский комедиограф, снявший фильм «За двумя зайцами» с Олегом Борисовым. У него же я снялся в картине «Ни пуха, ни пера!» по мотивам рассказов украинского классика Остапа Вишни, где моим партнером был замечательный актер Николай Гринько.

В это же время меня пригласил и Элем Климов в «Агонию» на роль филера Терехова. Конечно, постоянно мотаться из Москвы в Киев было трудно, но я же снимался в кино!

Очень жаль, что «Агонию» впоследствии сильно искромсали. Убрали сцены с голыми бабами. Я же, как назло, чаще

А вот Саша Демьяненко, у которого была такая же проблема со здоровьем, не сделал вовремя операцию. Если бы успел — жил бы до сих пор...

всего появлялся именно в этих сценах: где бабы — там и я. Выползал из-под кровати в самый ответственный момент, появлялся в бане...

Вообще у меня в этой жизни все наоборот: в кино дебютировал в сорок четыре года, когда многие актеры уже давно в зените славы. И в кино, и в театре мне хотелось играть маленького трогательного человека, которого все обижают. Но играть так, чтобы люди не только смеялись, но и плакали. Любимый мой герой — начальник вокзала из «Безы-

и вперед, шокировать публику. Крутя аппетитно задом, выпячивал накладную грудь и, взяв под руку друга Вильку, гулял по Малой Житомирской. Иногда я кокетливо спрашивал у проходивших мимо мужиков: «Вы женаты?» Те вздыхали и отвечали: «К сожалению...» Особенно шумный успех я имел, фланируя мимо военной гостиницы «Звезда»: офицеры просто испепеляли меня взглядами, иногда даже подходили и целовали ручку — вид-то у меня был пререзвратнейший!

Даже дед Бельков, выдавший виды провинциальный ак-

Иногда я кокетливо спрашивал у проходивших мимо мужиков: «Вы женаты?» Те вздыхали и отвечали: «К сожалению...»

мянной звезды», для которого увидеть дизель-электропоезд из Бухареста — настоящее событие.

— **Вы никогда не комплексовали по поводу роста и тридцать шестого размера обуви?**

— Никогда! Наоборот, всегда любил крупных баб. Шел рядом с такой и чувствовал себя героем. Женщин я вообще люблю. Еще в детском саду за девочками бегал, в школе тяжелые портфели избранниц носил. Так что ранний был ловелас! До армии уважал переодеваться в женщину: нацеплял парик, чулки фильдеперсовы, туфли на высокой шпильке —

тер, у которого мы постоянно ошивались, не заметил подвоха. Наоборот, при виде «красавицы» превратился в галантного кавалера поцеловал ручку и предложил мне послушать одну из пластинок его богатой коллекции. Помню, поставил запись пародии на спектакль местечкового еврейского театра, где тенор пел: «Какой печал мне кивиряет душу, и цельный мир мне вертится в глазе...»

Страсть к переодеваниям у меня была непреодолимая. Однажды я очень жестоко разыграл друга Володьку, который калымил на стареньком «Опель-Адаме». Я надел пенс-

Мы с Брониславой все время выясняем отношения. Она меня часто критикует, разбирает мою игру по косточкам, я же ее — никогда!

не, надвинул на лоб фетровую номенклатурную шляпу, закутался в макинтош и подошел к его машине на Думской площади, когда он, простояв полтора часа в очереди, дождался-таки родимого клиента. «Горсовет», — коротко прорычал я. Решив, что пассажир — «шишка», он довез меня с ветерком, а я вышел из машины, не заплатив ни копейки. Когда обман раскрылся, Володя меня чуть не убил. Кстати, друзья-актеры и меня часто разыгрывают, ведь я очень доверчивый человек. Когда обнаруживаю обман, начинаю бешиться: «Убью, уничтожу, размажу по стенке!» Но быстро отхожу и начинаю смеяться над своей реакцией.

— А как у вас обстоят дела с женщинами в кино?

— Женщины в кино не очень хорошо ко мне относятся. Мне все время попадались роли подкаблучников: надо мной всячески издевались, я боялся своих жен как огня. Многие режиссеры в кино «женили» меня на собственных супругах. Так было и с женой Яна Фрида Викторией Горшениной, и с Ниной Гребешковой, супругой Гайдая. На каждой из них я был женат дважды. Видимо, режиссеры считали меня порядочным человеком, раз доверяли самое дорогое...

Нина Русланова в одном из «Фитилей» продавала меня на рынке как незадачливого мужа. Рядом продавали козла, помню, мы с ним все время переглядывались, пока скотину не увели. В итоге купила меня Крачковская. Она, кстати, тоже два раза играла мою жену.

Очень интересно было работать с Гайдаем, он разрешал

Женщины в кино не очень хорошо ко мне относятся. Мне все время попадались роли подкаблучников. Я боялся своих «жен» как огня

актерам импровизировать. В фильме «Не может быть» никак не шла одна сцена — не хватало точки. Тогда Гайдай предложил: «Надо придумать точку в эпизоде, ставлю за это бутылку коньяка!» Мучились долго, наконец я предложил, чтобы Невинный после своих слов: «Разведись с Горбушкиным и заодно посуду продай!», повернулся бы ко мне и сказал: «Береги ее!» и смахнул слезу. Глядя на него, я тоже плачу. Пришлось снимать дублей пять — Невинный, дойдя до этой фразы, не мог играть, содрогаясь от смеха. Еще я придумал трюки с прищепками (когда Невинный сади цеплял их на костюм) и с будильником, который звенел в самый неожиданный момент...

Никогда не думал, что фильм Кости Бромберга «Чародеи» станет таким народным. Не проходит и дня, чтобы прохожий не крикнул мне вслед: «Привет, главное, чтобы костюмчик сидел!» Хотя на съемках фильма было скучно, шел рутинный процесс и ничего примечательного не происходило. Режиссер давал актерам общее направление, остальное мы придумывали, импровизировали сами. Ох, и намучился же я, когда в поезде снимали мою уменьшенную копию! Меня подвесили под потолок на каких-то ремнях. Висел я довольно долго, ремни мне все тело натерли, ноги онемели. Словом, было жутко неприятно!

— На съемках вам приходилось конфликтовать с режиссерами?

— СКОЛЬКО живу, столько буду помнить, как сильно обидел и подвел Георгия Данелия, когда снимался у него в «Афоне». Съемки проходили в Ярославле, я приехал туда на не-

сколько дней. Данелия замечательно ко мне отнесся: пригласил в свой номер, открыл бутылку армянского коньяка, познакомил с сыном... Даже пообещал: «Миша, я тебя сниму за три дня, а зарплату выпишу за десять съемочных дней!» В Ленинграде же 13-го числа меня ждала съемка на телевидении: театральный спектакль, где у меня «малипусенькая» ролька. И надо же такому случиться — на этот же день Данелия назначает съемку, где присутствие моего героя просто необходимо! Я же, не понимая, к какому режиссеру попал и как мне повезло, заявил: «Меня завтра не будет, уезжаю на съемки в Ленинград». Данелия побагровел: «В Ленинграде съемки, а у меня в Ярославле нет?! Ты с ума сошел?» Но я упрямо настаивал на отъезде. Отлично понимаю, как это выглядело тогда глупо и нелепо, но я был уверен в своей правоте... В пять утра Георгий Николаевич поднял всю группу, в шесть прозвучало: «Мотор!», а в девять я уже сидел в самолете... Все! После этого я потерял замечательного режиссера.

— В кино вы произнесли знаменитую фразу: «Мусик, готов ли гусик?» В жизни тоже любите вкусно покушать?

— Обожаю фаршированного гуся, это просто феерия духа! Моя жена славно готовит пельмени — ведь она родом с Урала. Еще варит отменные борщи. А какое у нее жаркое замечательное!

До операции я очень уважал ночью открыть холодильник и полакомиться кусочком сала. А как без сала уснуть? А теперь — жареного нельзя, копченого тоже нельзя. А для ме-

ня не слопать кусок копченой колбасы — пытка, да и только, особенно на презентации или банкете! Так что стараюсь как могу беречь здоровье, но порой это очень сложно...

Когда меня Андрей Макаревич пригласил в передачу «Смак», я не борщ свой любимый с галушками готовил, а полезный овощной салат. Мне за это плитку подарили и кастрюлю. Я забеспокоился: «Как же ее повезу, ведь не на поезде еду?» В ответ утешили: «Что вы, вам доставят!» Пришлось все обратить в шутку.

Восемь лет подряд в Театре комедии я играл Карлсона. Дети приходили после спектакля к Карлсону за кулисы и приносили много шоколада. Они терпеливо выстаивали в длинной очереди: подходил «мальш», нажимал на кнопку, чтобы жужжал пропеллер, и протягивал мне лакомство. Я же должен был незамедлительно отправить угощение в рот, как самый известный сладкоежка и самый великий поедатель шоколада. Мне до сих пор тяжело смотреть на сладкое!

— Да, популярность — ноша не легкая...

— Я был упрям, когда заявил, что буду сниматься в кино. Не зря много лет перед сном я твердил одну и ту же молитву: «Хочу быть артистом! Хочу, чтобы меня знали, хочу быть известным! Боженька, помоги!» Получая три рубля за работу в массовке, был счастлив.

И до сих пор я волнуюсь перед выходом на сцену. Не могу прочитать текст так, как если бы был один, без зрителей.

Иногда задумываюсь, а правильно ли я поступил, став актером? Вот и не знаю! Может, зрители знают?..

Беседовала Нина Жаркова